

Василий ПЕСКОВ

С радостью
Василий!

Ю. С. К.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ
ПРАВДА

ЧУДЕСА ЛУННОЙ НОЧИ

Василий Михайлович Песков
Полное собрание сочинений.
Том 15. Чудеса лунной ночи
Серия «Василий Песков. Полное
собрание сочинений», книга 15

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17082383
Полное собрание сочинений. Том 15. Чудеса лунной ночи:
«Комсомольская правда»; Москва; 2014
ISBN 978-5-87107-891-4

Аннотация

В 15-м томе собрания сочинений обозревателя «Комсомольской правды» Василия Михайловича Пескова продолжается цикл заметок его рубрики «Окно в природу» и новые встречи с людьми на «Проселках». Среди них – уникальная – с летчиком Михаилом Девятаевым, совершившим с товарищами в годы войны побег из фашистского плена на захваченном немецком бомбардировщике.

Содержание

Предисловие	5
1983	9
Зимовка	9
Сотрапезники	19
Логово	23
Личность	28
Северный переход	33
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Василий Песков
Полное собрание
сочинений. Том 15.
Чудеса лунной ночи
1983-1985

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

* * *

«В живой природе тайн и загадок неисчислимо. Их хватает на все поколения любознательных людей. Если, конечно, люди не затопчут природу вместе с тайнами ее и загадками».

В. Песков

Предисловие

Мы в редакции «Комсомольской правды» всегда удивлялись, откуда у Василия Михайловича столько отличных снимков природы. Все-таки рубрика его «Окно в природу» появлялась на страницах десятки (!) лет. Конечно, какие-то снимки ему присылали читатели – фанаты этой рубрики, что-то он переснимал из журналов о животных. Но все равно главными оставались его собственный глаз, фотокамера и терпение.

Очень любопытно, как он высматривал сюжеты для своих дивных фото. Вот его записи об этом:

«Хорошо ездить, летать и плавать. Но фотокамера не должна висеть на гвозде, когда вы дома. На деревенском дворе, если быть наблюдательным, можно увидеть много всего интересного.

Вот собака и кошка. Обычно они враждуют. На Камчатке охотничья собака, помню, в мгновение ока прикончила кошку – для нее это была добыча, вроде соболя или белки. Обыкновенно такое во дворе не случается – кошка всегда на чеку, всегда готова вскочить на прясло или на дерево. Но бывают между ними, антагонистами, и трогательная дружба или какие-нибудь неожиданные курьезы. Одна из моих читательниц пишет: «Собака и кошка у нас во дворе враждовали. Причем кошка отлично

знала длину цепи, на которой Барсика держали у будки, и доводила врага своего до исступления, пробегая в предельной близости.

А однажды мы удивились. Идет дождь, а Барсик наш не залез в конуру, мокнет снаружи. В чем дело? Заглянули в его жилище и обомлели. В нем лежала только что окотившаяся кошка. Поразительно, что собака ее не только не тронула, но уступила роженице уютное место. И кошка не испугалась в будку войти». Подобных историй с кошками и собаками, лошадьми, коровами, гусями и курами множество. Особенно интересен двор, когда он находится близко к лесу, к реке. Тогда в него проникают животные дикие. Я знаю случай, когда во двор к леснику через изгородь прыгнул лось, которого гнали волки. Ястреб в таком дворе – обычный гость. Лисица непременно будет интересоваться курами. В Приокско-террасном заповеднике во дворе друга я увидел неожиданно петуха... в тельняшке. Оказалось, лисица Петра прищучила, но до смерти не довела и далеко унести не смогла. Измученного, оципанного властелина двора лиса прикопала в канаве, и он, очухавшись, синий от ран и холода, приплелся домой. Дело было перед зимой – пришлось хозяйке сшить пострадавшему жилетку на вате... Много всего любопытного происходит на близком к лесу деревенском дворе. Сойки из леса прилетают иногда чем-нибудь поживиться; сороки прибываются зимой к де-

ревням, иногда, нахохлившись на морозе, подолгу ждут, чтобы выхватить у собаки из миски кусочек еды. Воробышки снуют между курами – поспешают что-нибудь клюнуть. Лесник мне рассказывал: к курам, которых зимой подкармливали подмороженным мясом, повадился прилетать дятел и вел себя как хозяин.

В одном дворе, пишут, жил не улетевающий почему-то на юг журавль. Эту осанистую птицу все дворовое общество уважало и побаивалось. Стоило кому-нибудь затеять драку, журавль мирил драчунов.

Или вот случай на подмосковной даче. Куры почему-то перестали нестись в сарае, а клали яйца за будкой собаки. Проследили – и оказалось: яйца воровали вороны, и куры догадались, кто может их защитить. Одной вороне собака вырвала хвост, и воровство прекратилось.

Читая и слушая такие рассказы, всегда думаешь: вот бы снимок! Фотография не только фиксирует занятное или курьезное поведение разных животных, она документирует редкие случаи в их отношениях. Порою трудно даже поверить, что подобное может случиться. Конечно, непросто все это снять. Но все же иногда удается. Помню снимок одной девчушки, сделанный бесхитростной «Сменой»: кошка акробатом крадется к бабочке, сидящей на тонкой жерди забора. На другом снимке кошку на дереве атакует стая ворон. Или еще фотография: орава кошек у телевизора, на экране которого беспечно

прыгают птицы. Или интересный и для науки снимок: гусь тянет рычаг колонки, а другой пьет, подняв к трубе голову... Камеру надо всегда держать наготове!»

Вспомните об этом, когда сегодня будете читать очередные его рассказы о животных и вглядываться в фотографии. Вы тоже можете попробовать, слава богу, теперь у каждого в кармане лежит телефон со встроенной фото- и видеокамерой. Почему бы и вам не попробовать открыть для себя свое собственное окно в природу?

Доброго чтения!

**Андрей Дятлов, заместитель главного редактора
«Комсомольской правды».**

1983

Зимовка

Окончание. Начало в томе 14.

* * *

Для науки Антарктида – уникальное место планеты, гигантская лаборатория, где изучают природу Земли и космоса. Тут работают геофизики, магнитологи, океанологи, моряки, радиофизики, биологи, астрономы. Но холод и лед все-таки главные из объектов науки. Антарктиду называют «кухней» земной погоды. Надо ли удивляться, как тянет к себе эта «кухня» климатологов, гляциологов, ученых метеослужбы.

Но, оказалось, антарктический лед, напластованный чередованием зимы и лета, является еще и уникальным летописцем Земли. Как годовые кольца деревьев, лед, если его пробурить и исследовать вынутые керны, может рассказать, в какие годы на планете выпадали пеплы вулканов, когда оседала метеорная пыль, как менялся климат планеты, каков возраст самой антарктической ледяной шапки. Бурение

льда подтвердило, между прочим, предположение, что ледяная масса, соприкасаясь у основания с грунтом, превращается в воду – давление, трение и внутриземное тепло в совокупности делают свое дело...

Много всего поведала Антарктида. Несколько поколений людей снимали с этого континента покров таинственности, но главные, громадные по объему знания Антарктиды были получены в этом веке. Большой и всеми признанный вклад в изучение континента сделали советские исследователи. Их тут с 1956 года побывало шестнадцать тысяч, причем пять тысяч – с зимовкой.

Однако чем больше мы знаем, тем больше у нас вопросов. И «белый магнит» по-прежнему будет притягивать исследователей. В последние годы Антарктиду усиленно посещают геологи. И они «накопали» тут много всего интересного, объясняющего природу Земли и дающего представление о богатствах южного континента. Угля, утверждают, тут больше, чем на всех других континентах, вместе взятых. Месторождения железа не уступают запасам под Курском. Тут обнаружены руды свинца, никеля, меди, марганца, молибдена. И все настойчивее разговоры – в Антарктиде есть нефть.

Пока в практических целях с континента увезли лишь глыбу белого мрамора на памятник Скотту в Новой Зеландии. Но завтра может все измениться. И очень возможно, что главный спрос тут будет на... лед. Идея водить отсюда айсберги на буксире лет двадцать назад вызывала улыбку. Сей-

час уже существуют проекты, как это делать. Проблема чистой воды повсюду становится все острее. И взоры людей обращаются к Антарктиде. Тут законсервировано восемь десятых запасов пресной воды планеты...

«Плывать по морю необходимо...»

* * *

Со времен Фаддея Беллинсгаузена Антарктида, конечно, ни на градус не потеплела, не стала гостеприимней. Но люди научились тут жить и работать. Опасно? Обдуманно скажем: не более, чем ехать по напряженной автомобильной дороге. Большая опасность в наш технический век, как наблюдаем, может подстеречь человека даже на тихой, спокойной, обжитой реке, стоит лишь малость притупить бдительность. Антарктида же требует мужества, выносливости и дисциплины особой. Она, как любят говорить полярники, не прощает обращения с нею на ты.

Еще случай... Новозеландская база Скотт. Четыре биолога во главе с американцем Джимом Лаури в спокойный солнечный день поплыли на лодке для работы в прибрежных водах. Погода испортилась... мотор отказал... лодку айсбергом смяло... на обломке льдины людей понесло в океан... На базе все были спокойны. И только на четвертые сутки отсутствие группы заметили. Подняли все самолеты и вертолеты, а также наземные средства. После тридцати ча-

сов поисков, уже всем казавшихся безнадежными, терпящих бедствие обнаружили. Причина беды – беспечность: никому не сказали, что отлучаются.

Инженер Михаил Родин, здоровый, сильный, цветущий, считал на «Востоке», что все ему нипочем. И, возможно, даже для себя самого незаметно глотнул морозного воздуха «не через шарф». Вы помните, чем это кончилось. Какой драматической, рискованной для всех остальных была эвакуация человека со станции.

Пожары – бич Антарктиды. Воздух тут действительно сух, как в Сахаре, и от беды, как говорят, не зарекайся. Но ведь известно и то, что пожары чаще случаются там, где не очень-то помнят, что пожары могут случиться.

И меры предосторожности на случай пожара... Не будем забираться в рассуждения на эту тему в антарктическое далеко. Заглянем в любую нашу городскую гостиницу. После известного всем пожара в Москве сейчас в коридорах гостиниц висят в рамочках под стеклом листки, по которым жилец при пожаре должен, как по географической карте, определиться, куда бежать от огня. Я езжу много, и меня всегда занимают эти искусные чертежи, именно чертежи, по которым хороший прораб может, наверное, построить саму гостиницу, но в которых жилец, даже грамотный, и в обстановке спокойной с трудом разберется. Может ли этот чертеж помочь человеку, охваченному паникой, да чаще всего и не очень сильному в чтении чертежей? Не поможет. Но ведь ви-

сят же! Всюду висят. Впрочем, нет, кое-где появились листки картона со стрелкой и фигуркой бегущего к выходу. Надо ли говорить, что этот способ уберечь человека не формален, прост и разумен.

И в Антарктиду вернемся. Дизельная электростанция – сердце «Востока». Все понимали: если этого сердца лишиться – конец. Двадцать пять лет понимали. Человеку запасное сердце иметь невозможно. Но в жилой точке, космически удаленной от всех, точке пожароопасной второе сердце иметь полагалось. В отдельном строении смазанными и отлаженными должны были стоять два двигателя. Их не было. Точнее, были, но под одной крышей: и основные, и запасные. Тот самый случай житейской практики, о котором сказано поговоркой: «Все яйца клали в одну корзину».

На теплоходе из Антарктиды вместе с «восточниками» плыло много других зимовщиков. Не рядовой случай на станции, конечно, так и сяк обсуждался. Ветераны антарктической экспедиции с горечью говорили, что в последние годы заметно стало больше всяких накладок. Я не считаю возможным говорить обо всем, что вспоминалось под горячую руку. Подготовка любой экспедиции – дело чрезвычайно сложное и громоздкое. Абсолютно все предусмотреть трудно. Но есть ли стремление к этому абсолюту? Обращаясь к рассказам на теплоходе. «Завезли на «Восток» запасные части для дизелей – они оказались от двигателей другой модификации. Что было делать механикам Карпенко и Куз-

нецову? По пятнадцать часов не выходили из дизельной – перетрясали, чинили изношенные машины». «Завезли в Антарктиду горючее не той кондиции. Самолетам летать было на нем нельзя. Летали, нарушая инструкции». «В медпункт приходит больной. Пьяный врач: «Не нахожу внутри у тебя никакой патологии». Но сам больной догадывается – аппендицит. Запоздавая, нехорошо сделанная операция, все тем же врачом под парами, вынудила потом обращаться за помощью на французскую станцию».

Такого рода накладки терпимыми быть не могут. Успех любой экспедиции закладывается «дома, в тепле». Недогляд, оплошность, небрежность в экстремальных условиях оборачиваются бедой, трагедией, преодолением великих трудностей. Пример классический: экспедиции Скотта и Амундсена. Одну венчает победа, другую – драма. Вспоминая Скотта, всегда говорили о злом стечении обстоятельств. Но вот недавно сами англичане, изучив хладнокровно, как готовились к экспедициям Скотт и его норвежский соперник, пришли к выводу: Амундсен предусмотрел все, Скотт же наделал ошибок и в подборе людей, и в подготовке снаряжения. У Скотта за три месяца на запасных складах на три четверти улетучился керосин из бидонов, и этим частично объясняется гибель группы. Но Амундсен ведь тоже пользовался керосином. Пятьдесят лет спустя на 86-м градусе южной широты обнаружили канистру, принадлежащую его группе. Открыли... она была полна керосина! Норвежец, отправляясь

в Антарктиду, позаботился, чтобы горючее не улетучилось.

Пример характерный. Предусмотрительность, дисциплина, тщательная проверка всего, что отправляется в Антарктиду (снаряжения и людей), как правило, избавляют зимовщиков от ситуаций, когда приходится преодолевать трудности, каких могло бы не быть.

На теплоходе люди бывалые мне говорили: «Сложно стало комплектовать экспедиции». Одной из причин называли оплату труда зимовщиков. Она не изменилась с 1956 года. Этот момент нельзя назвать несущественным. Труд в экстремальных условиях должен достойно вознаграждаться. Это сразу разрешило бы главную из проблем: брать на зимовки не всех подряд, а со строгим отбором, как это раньше и было (и так обязательно должно быть!). Это позволило бы для особо трудных зимовок подбирать людей по законам психологической совместимости. Об этом меня просили обязательно написать все «восточники» до единого.

И под конец одна существенная деталь особо трудной зимовки «Востока». Когда угроза гибели людей была отодвинута, начальник станции запросил Большую землю: по каким нормам распоряжаться продуктами, часть которых на морозе погибла? Из Ленинграда снабженец Чхиквадзе Михаил Капитонович вместо разумно-сердечного: «Да ешьте, ребята, что есть, только выживите» – прислал строгую телеграмму, что все учитывать будут по существующим правилам и с учетом обстоятельств пожара. Начальник, зная дело

на месте лучше, чем Михаил Капитонович, послал еще одну телеграмму руководителям выше с объяснением исключительной ситуации. Но телеграмма попала почему-то опять к Чхиквадзе. И ответ был суровее прежнего. У начальника станции не хватило мудрости послать третью, пятую телеграмму и добиться в конце концов понимания. Вместо этого он заявил терпящим бедствие людям, что они, мол, передают, не соблюдая нормы, что надо все экономить... Если бы взводу солдат, ведущих смертельный бой в окружении, сказали в этот момент, что с них будет спрошено за патроны и пшенные концентраты, солдаты, мягко сказать, не поняли бы говорившего. То же самое случилось и на «Востоке». Не знаю, сколько раз начальник станции пожалел обо всем, что необдуманно выложил «взводу», но обстановка на станции, и без того невыносимо тяжелая, усложнилась резким похолоданием климата психологического.

Понимал ли Михаил Капитонович Чхиквадзе, как было трудно там, на «Востоке»? Должен был понимать. Но, к сожалению, не всегда понимает человек, сидящий в тепле, человека на холоде. Мне сообщили: Михаил Капитонович в Институте Арктики и Антарктики прежней должности уже не занимает. Это, насколько я понял зимовщиков, хорошая вещь и не только для тех, кто был на «Востоке»...

А «восточников» в Одессе встречали музыкой и речами: «Молодцы, выдержали!» Я смотрел на ребят и думал: все они с удовольствием поменяли бы большую часть похвалы

на мудрость понимания их там, «в окружении», на «Востоке».

Вот такая она, Антарктида, и такая зимовка в самой ее глубине. Драматическая, героическая, поучительная зимовка.

* * *

Р. S. Три дня назад я послал телеграмму новой группе зимовщиков на «Востоке»: как дела, погода и самочувствие? И вот получен ответ: «У нас все в порядке. Работаем. Ликвидируем последствия прошлогоднего несчастья. На «Востоке» полярная ночь. Мороз сегодня – минус 76. От имени двадцати зимовщиков начальник станции «Восток» Будрецкий Арнольд Богданович».

Плывать по морю необходимо!..

Фото автора, Д. Дмитриева и П. Астахова (из архива В. Пескова). 5, 7, 9 – 12 июня 1983 года.

В Антарктиде.

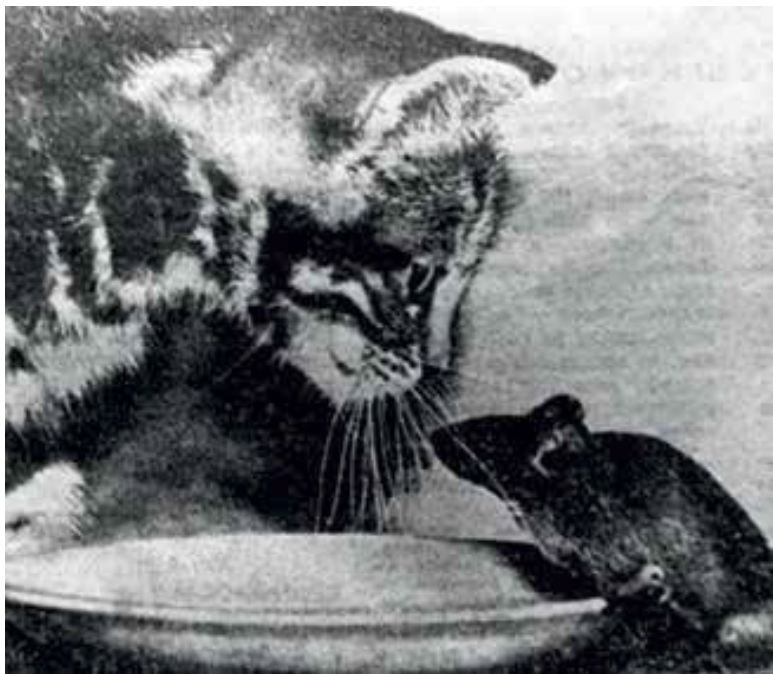

Сотрапезники

Окно в природу

Известно, что гусь свинье – не товарищ, хотя можно увидеть свинью и гуся у одного корыта. Но что происходит тут? Сотрапезники: кошка и мышка, белый медведь и свиньи. Возможно ли это? Как видим, возможно.

Наблюдая животных, можно увидеть интересные сценки. Ну, например, я видел, как в клетку к рыси собиралось полдюжины кошек. Они не только вместе закусывали, они, как любим мы сейчас говорить, «общались». Рысь вальяжно ложилась, а кошки рядком устраивались у нее на боку. Вся компания сладко дремала, не обращая внимания на множество звуков, в том числе и на щелканье фотокамеры. Но только я пискнул мышью, как кошки и рысь встрепелулись и наострили уши. В этот момент я лучше всего почувствовал: передо мною родня.

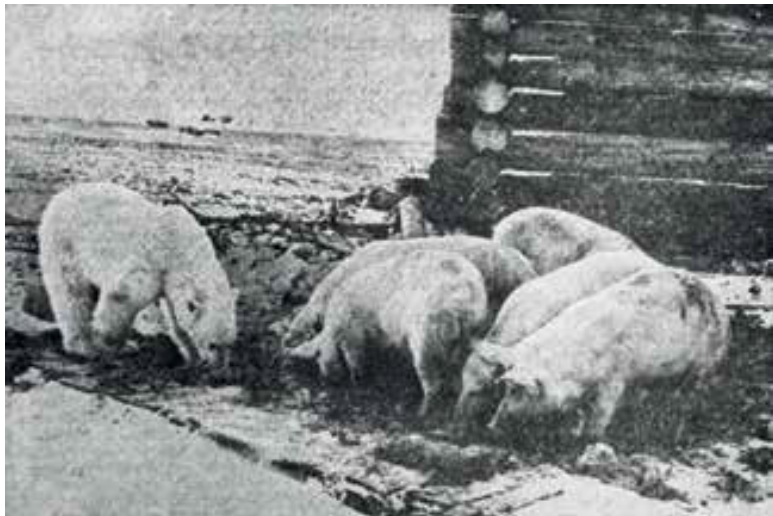
По-родственному ведут себя домашние свиньи и дикие кабаны. Случалось не раз, на ферму из леса заходил пого- стить одинокий секач. Случалось, хавроньи пропадали в ле- су с ухажером и приносили потом полосатеньких поросят.

Дикие гуси во время пролетов, бывает, смешиваются с до- машними. В Америке дикие индюки прилетают на фермы к индюшкам. Собаки и волки, враждая, случается, все ж об- разуют и пары. Удивительно, но объяснимо – родня.

А вот еще наблюдение... В Калининградском зоопарке в одном загоне я видел петуха и лису. И есть у меня фотография: лисица в курятнике. Десятка четыре кур, и в этом обществе – лизавета. Никакого переполоха. Куры клюют зерно, лиса с любопытством глядит на фотографа. Воистину примиренье воды и огня!

Известен случай: снимая какой-то фильм о животных, к тигру в загон пустили козленка. Ожидали кровавой сцены. А тигр подошел и стал козленка облизывать. Удивительно, но все-таки объяснимо: неволя иногда подавляет инстинкты.

Что касается кошки и мышки, свиней и медведя, то тут такая картина. Для котенка в комнате ставили блюдечко с молоком. В момент отсутствия едока из норки к блюдцу наведалься мышь. Молоко ей понравилось. И стала мышка ловить моменты: котенок из комнаты – она к блюдцу. Но вот случилось, котенок вернулся, а у блюдечка – гость. Сколько длилось вот это мгновение, немецкий фотограф не пишет. Несмышлениш-котенок в упор, с любопытством глядел на мышь, а у той ни капельки страха. Дело кончилось тем, что котенок все же зверя в себе почувствовал. Но старая мудрая мышь этот момент уловила и была такова. На двух других хранящихся у меня фотографиях котенок неумело и неуклюже преследует сотрапезницу, но всего-то сотня мышиных шагов до норки...

Снимок свиней и медведя прислали нам со Шпицбергена (не указав, к сожалению, автора фотографии). Приход медведя к отбросам – обычное дело на Севере. Но тут в отбросах возятся вместе хищник и свиньи, совершенно перед ним беззащитные. Дело, видимо, в том, что медведь, подобно котенку, по молодости еще глуп и неопытен, а свиньям, завезенным на Север, откуда им знать, что может и что не может белый медведь? Но зверь в медведе-подростке все же проснется. И потому небезопасно возле него находиться не только свиньям, но и фотографу.

• Фото из архива В. Пескова. 19 июня 1983 г.

Логово

Окно в природу

Логово волка обычно – тайна из тайн. Чтобы не выдать место пребывания детворы, волки вблизи не охотятся. И если волки почуяли: логово обнаружено – немедленно, спешно уносят волчат в безопасное место.

Понаблюдать жизнь логова – несбыточная мечта многих натуралистов. Снять на пленку интимную жизнь волков в природе практически невозможно. Выход один: снимать осторожного зверя в неволе, в условиях, максимально приближенных к жизни дикой природы. Неделю назад я наблюдал за волками в такой обстановке.

Уголок леса размером со стадион был окружен сеткой. Все тут есть для волков: овражек, поросший крапивой и лопухами, лесной валежник, родник, полог елок, трава. Четыре зверя в загоне. Стою неподвижно у сетки с фотокамерой наготове в надежде: вот-вот блеснет где-нибудь пара глаз. Стою полчаса, час стою. Напрасно! Меня волки наверняка видят, но ни один ничем не обнаружил себя.

Занимаю место на одной из трех вышек, стоящих в лесу. С них кинооператоры, меняясь, ведут наблюдения – в нужный момент включают стоящую на треногах аппаратуру.

К этим вышкам волки успели привыкнуть. Уже минут через пять замечаю шевеление трав. И вот прямо на меня, осторожно ступая, идет волчица. Прежде чем выйти на открытое место из-под деревьев, внимательно слушает – вижу, как шевелятся торчком стоящие уши. В последнюю очередь волчица смотрит на вышку. Мы встречаемся взглядом. Но волчица не отступает. Наоборот, привыкшая, как видно, к неизбежному для нее присутствию здесь человека, она решительно, но по-прежнему неторопливо направляется к логову.

Логово расположено метрах в пятнадцати от меня. Хорошо видно вытоптанную волчьими лапами площадку и у края ее, у коряги – пологий укатанный ход под землю.

Появление волчицы, видно, давно ожидалось теми, кто пребывал в подземелье. На площадку, сбивая друг друга, выскочили три волчонка. И немедленно – к матери. Волчица увлекла нетерпеливо голодных щенят в сторону, в травы, и волчата буквально повисли у нее на сосках. Пока под брюхом у матери шла возня, сама она стояла спокойно, наклонив голову. Язык от жары высунут, глаза, как в дремоте, полузакрыты. Бурая шкура волчицы линяла, и этот обычно аккуратный подтянутый зверь выглядел неряшливо, неопрятно.

После кормежки волчата, путаясь у матери под ногами, стали вместе с ней обследовать окрестности логова. За чем-то волчица перенесла с одного места на другое березовый сук, и волчата принялись его обнюхивать, как будто первый раз видели. Потом мать вынула из травы припасенное

ранее мясо, стала рвать его на куски и разнесла их потом в несколько мест, давая волчатам поиграть с пищей в прятки.

Пока невидимый для меня молодняк возился в траве, волчица легла подремать, но скоро без причины как будто вдруг встрепелась и кинулась в чашу. Волчата при этом гором скатились в яму... Минут через пять я услышал голоса женщин, шедших лесом с покоса. Это их задолго до меня услышала волчица и бросилась загодя обнаружить опасность. Убедившись, что опасности нет, мать неслышно, как тень, появилась у логова.

В одну из отлучек волчицы, в колдобину, через которую тек ручеек, я кинул кусок конины, полагая, что волчица не сразу обнаружит добычу. К моему удивлению, появившись минут через десять, она направилась прямо к воде и нырнула в нее. Отряхиваясь, она вышла к площадке с мясом в зубах. Всеобщее любопытство! Дав волчатам как следует наглядеться на мясо, волчица отнесла его в сторону и стала прятать. Она нагнула лапой траву с одной стороны, потом с другой, примяла мордой. Волчата за всей процедурой наблюдали, не шевелясь. Не сделав попытки тронуть спрятанный клад, они побежали за матерью, на ходу облизывая ее морду.

Где-то на третьем часу наблюдения я обнаружил и папу-волка. Он лежал от логова в стороне и выдал себя только шевеленьем ушей. Он потом уходил. Но вернувшись, занимал позицию наблюдения: лежка – плотно на брюхе, морда на лапах, уши торчком, глаза внимательные. К логову ни разу он не приблизился.

Фотокамера моя была наготове, но бездействовала. Малыши на открытой площадке сустились немало, но момента,

когда бы они оказались вместе с матерью, не было – она все время увлекала их в сторону. Но терпенье фотографа оправдалось.

В отсутствие матери, когда волчата обязательно прятались в яму или стихали в траве, один шалопай беспечно бродил по площадке. В этот момент мать его и застала. Я услышал приглушенное горловое рычание, означавшее: «Я кому говорила, не шлейся, разве не понимаешь – опасно!» Волчонок все понял, пятясь задом, он юркнул в яму, но я успел его снять вместе с матерью.

Солнце уже садилось за елки, когда я покинул вышку. Волчица в это время легла отдохнуть и уснула. Я пытался ее разбудить писком мыши, скрипом половицы на вышке – не проснулась или презрительно сделала вид, что спит.

Так ли ведут себя волки в дикой природе? Неволя, даже такая, с видимостью свободы, поведение животных, разумеется, искажает. И все же лес и логово в нем во многом дают проявиться волчьей натуре.

● **Фото автора. 26 июня 1983 г.**

Личность

Окно в природу

Начнем с петуха. Мы видим его в роли для петухов необычной – собрал под себя и греет цыплят. Григорий Иванович Сологуб из деревни Гора Белгородщины объясняет ситуацию так: «Наседка была непутевая. Днем мать как мать, а вечером – на насест, да повыше. Мелкота пищит – холодно, а ей хоть бы что. И, видно, дрогнуло у нашего петуха сердце.

Однажды смотрим – цыплята под ним. И так пошло потом каждый вечер. Беззаботная мать – на насест, а Петя внизу, и цыплята сразу к нему под крылья. Свои дневные дела петух вел исправно. А вечером пробуждались у Пети не свойственные петухам родительские заботы. На эту диковину к нам во двор приходили глядеть соседи. Даже фотограф со вспышкой пришел, и я посылаю вам снимок нашего знаменитого петуха».

Можно улыбнуться, вспомним кое-что похожее в нашей человеческой жизни. Однако запомним: необычный, незаурядный петух.

На втором снимке видим мы трясогузку. Я снял ее на палубе теплохода «Казань», совершающего рейсы Уфа – Москва – Уфа. Птица как птица, ничем особым от сородичей-трясогузок не отличается. И все же личность! Свила гнездо в щели вентилятора на палубе корабля. Когда теплоход, отчалив, двинулся в дальний путь, трясогузка гнезда не оставила. И совершила, возможно, единственное в птичьем мире странствие из Уфы в Москву и обратно. Капитан теплохода, которому доложили о трясогузке, приказал обнести вентилятор с гнездом канатом. Никто и ничто не мешало птице. И она, охотясь на верхней палубе за мошкаррой, благополучно вывела птенцов, а потом их и выкормила, вырастила. На остановках она улетала охотиться на берег. Но ни разу не отстала от теплохода и вернулась в Уфу со взрослым потомством. Если бы трясогузки вели счет заслугам своих

сородичей, эта вот путешественница несомненно была бы в числе знаменитостей...

В Москве в районе стадиона «Динамо» я уже много лет наблюдаю ворону заметного ума и характера. Проходишь мимо сидящих на дереве птиц – все, повинаясь стайному чувству, взлетели, а она остается сидеть, потому что видит: реальной опасности нет. А недавно увидел такую сцену. Кто-то оплошно уронил на улице несколько сушек. Вороны сейчас же это заметили. Одна, схватив сушку, села на дерево. Потрогав клювом крайне сухой кренделек и поняв, что пища «не по зубам», ворона бросила сушку в бурьян. Но вот еще одну сушку находит другая ворона. И что же я вижу: не взлетая, вперевалку, неторопливо ворона идет к трамвайному рельсу, на него кладет сушку и, отлетев, сидит на штакетнике, ждет.

Первый раз это было, а может, ворона уже прибегала к такому приему, но только трамвай прогремел – она подлетела к рельсу, подхватила быстро осколки сухого хлеба и села на старую липу – «заморить червяка». У давней моей знакомой примет особенных нет, но хочется думать, что это была она, старая сообразительная ворона.

Один мой знакомый биолог сказал: «У каждого вида животных есть особи заурядные, есть способные, и изредка так же, как у людей, встречаются гении». Очень возможно, что так и есть. Для нас все щеглы, все муравьи, сороки, зайцы,

змеи, кроты – все на одно лицо. Природа тысячи и даже миллионы лет «штампует» разные виды животных с поразительным безошибочным постоянством, наделяя их не только одинаковой внешностью (вплоть до какого-нибудь особо окрашенного перышка в крыльях!), но также и одинаковым поведением, во многом определенным врожденной программой. Но стоит близко, внимательно присмотреться к отдельному существу, чувствуешь: чем-то, пусть маленьким, в своем поведении оно отличается от себе подобных. У каждого – свой характер.

Возможно, в меньшей степени это свойственно насекомым, хотя и тут закон «непохожести» действует несомненно. Что же касается высокоорганизованных животных – слонов, обезьян, медведей и особенно соприкасающихся с нами животных – волков, вороновых птиц, воробьев, – тут способности отдельных особей мы видим часто даже «невооруженным глазом». И можем без особой натяжки употребить слово **личность**.

Известный каждому с детства писатель Сетон-Томпсон хорошо знал природу и умел о ней рассказать. Одну из своих замечательных книг, посвященных животным (помните: Виннипегский волк, голубь Арно, трущобная кошка, волки Лобо и Бланка?), писатель так и назвал – «Животные-герои».

● Фото из архива В. Пескова. 3 июля 1983 г.

Северный переход

Я встретил их в минувшую пятницу в маленьком селении ненецкой тундры. После «собачьих» холодов в Москве тут, на берегу Ледовитого океана, непривычной была сочинская жара – 28 в тени! Людям, за большую дорогу привыкшим к северным холодам, тут было невмочь. Двое из шестерых, к огорчению фотографов, сбрили бороды и, если б не свирепые здешние комары, ходили бы, наверное, как туземцы тропических мест, с повязкой на бедрах. Полсотни лохматых собак, уроженцев Якутии и Чукотки, несомненно, разделяли стенанья своих каюров. Они не знали, куда себя деть от жары – пытались зарыться в землю, вывалив языки, часто-часто дышали.

Шестерых людей и сорок девять собак я застал в самом конце путешествия, оценить которое можно, только взглянув на карту. Пройдемся взглядом от крайней точки – мыс Дежнева на востоке – до Мурманска. Десять тысяч километров «с гаком»! Успешно и без потерь пройти это северное громадное тундровое бездорожье – человеческий подвиг, вызывающий в памяти славные имена россиян-землепроходцев Дежнева, Хабарова, Русанова, Черского.

О потерях и трудностях экспедиции Дежнева сказано так: «Взят мужами российскими мыс с ценой немалой: из 90 казачков спустя год только 12 выбрались к Анадырю... Там по-

строили коч и еще пять лет сушей, реками дошли казаки до дому – Москвы стольной». Так открывалась наша земля. Люди уходили, и годы не было от них вестей. Сегодня повторение их путей проходит в иных условиях. Радио, авиация помогают следить за продвижением людей. Карты дают возможность им хорошо ориентироваться. Однако все тяготы странствий, известные в прошлом, и сегодня полною мерой ложатся на плечи тех, кто рискнул идти по земле без путей и дорог, да еще в крайне суровой ее стороне. Только волевые, выносливые, мужественные и вооруженные, как говорили предки наши, «чистыми помыслами и бескорыстием», преодолевают пространства и приносят домой победу. Перед нами шестерка таких людей. Мысленно уберите очки, еще одну-две детали нынешней жизни – и вот они, казаки-землепроходцы времен Дежнева и Хабарова. Да, вот так, или почти так выглядели землепроходцы, чьи имена утвердились на карте России в названиях поселков, мысов, заливов, морей, хребтов, перевалов, бухт, островов. Материк Европы и Азии открывался и обживался людьми такого вот склада – волевыми, выносливыми, мужественными.

Кто же они, способные сегодня пройти Россию по крайнему ее северу, имея в спутниках у себя лишь собачьи упряжки? Назовем имена. Второй справа (в момент съемки он пытался раздавить комара на щеке) – руководитель и душа экспедиции Сергей Соловьев. Он ученый, связавший жизнь свою с изучением Севера. Справа от него – радист Владимир

Карпов, рабочий. Слева – врач экспедиции Владимир Рыбин. Рядом с ним – геофизик Павел Смолин. Бородач в темных очках, с шевелюрой, поседевшей в походе, – журналист Юрий Борисихин. Все пятеро – свердловчане, давно притертые друг к другу в совместных походах по Северу. Крайний слева – новичок в группе, но свой человек в Арктике, ненецкий учитель Филипп Ардеев, попавший в экспедицию «по конкурсу», – нужен был человек с опытом вождения собачьих упряжек.

Снимок этот сделан на 238-й день путешествия. В этот день экспедиция получила короткую телеграмму: «Малым ходом топаю вам навстречу. Папанин». Старый полярник отечески поддержал экспедицию. Напутствуя в прошлом году молодых своих друзей, он сказал: «Уверен, что буду встречать вас здоровыми. Я верю в вас». Теперь Папанин шел им навстречу – переправить на судне через Белое море.

Осталось еще сказать: экспедицию активно поддержал Свердловский обком комсомола, а осмыслила ее, снарядила и направила газета «Советская Россия». Эмблему экспедиции – человек с упряжкой собак – вы видите на одежде участников перехода. Эта эмблема сопровождала все интересные сообщения «Советской России» с пути экспедиции. Эта эмблема останется в нашей памяти как символ хорошо обдуманного, тщательно подготовленного, имеющего разумные цели странствия.

Несколько часов белой полярной ночью я беседовал с яв-

но счастливыми, хотя, конечно, усталыми землепроходцами.

– Весь переход по арктическим землям – сплошная очень большая трудность. Вы это знали заранее. Но верно ли оценили все, что пришлось одолеть?

– Скажем честно, если бы знали всю меру тягот, лишений и риска, поход бы кончился там, где начался: в наших мечтах и мыслях.

Все пережитое, преодоленное на огромном пути шестеркой людей, тут не то что описать, даже перечислить невозможно. Путь начался полярной ночью. Это время без солнца даже местные люди, даже под крышей в тепле переносят с большим напряжением. Им же надо было идти! Непременно идти – в темноте, при морозе, в пургу. («В декабре на Чукотке был всего один день без пурги».) И это не был переход двух-трех дней, когда потом человека ожидают тепло и покой. После ночлега в снегу надо было заставить себя подняться и снова идти. «Собак, усталых и истощенных, приходилось поднимать силой. Сами мы подымались усилием воли».

Пургу Чукотки («двигаться приходилось, не видя впереди бегущих собак») сменили морозы и ветры Якутии. «50-градусный мороз в сочетании с сильным ветром эквивалентен был температуре минус 90 – 100 градусов». Стоять в такую стужу нельзя. Только двигаться, только вперед.

Участники экспедиции в ненецкой тундре.

Не обо всем с трассы на этом первом этапе экспедиция могла сообщать читателям «Советской России». Ну можно ли, например, было сообщить, не испугав читателей, как на реке Индигирке ледяная пурга уложила людей и собак на тридцать восемь часов. «Лежали без еды, без питья, без огня – ни живые, ни мертвые. Три собаки погибли, вмерзнув в лед». Нельзя было сообщить, как по четыре-пять дней люди голодали, отдавая пищу собакам. Голод и истощение заставляли собак жевать свою упряжь, собаки мгновенно съели оброненную варевку с запахом рыбы. Один из участни-

ков экспедиции везет жестянку из-под тушенки, изжеванную голодным псом.

Такова реальность езды на собаках в местах, где лишний груз на нарты в запас не положишь, а пополнить запасы пищи вовремя негде – у экспедиции были участки пути в 500 – 800 километров, где не было ни жилья, ни следов человека.

Трудности первой трети пути усугублялись несъезженностью собачьих упряжек, отсутствием нужного опыта управления ими. Немалым был риск при встречах полярной ночью с медведями. Удручала ничтожно малая скорость передвижения – 10 – 15 километров за переход. «Жизнь в эти первые девяносто дней потеряла для нас все краски. Все было, как в черно-белом телевизоре». Местные старожилы, зная все эти трудности, говорили: «Не смогут, не выдержат...»

Они выдержали! На третьей тысяче километров и собаки, и люди почувствовали уверенность в продвижении – накопился опыт, сноровка, умение экономить силы, точно определяться на местности, разумно делать запасы груза. И, если вначале только луна в погожее редкое время освещала их бездорожье, то в январе показалась над горизонтом макушка солнца, и уже не 15 – 20, а 70 – 90 километров стали одолевать собаки и люди за переход.

А дальше пошло, покатилося уже при солнце, при терпимых морозах, при относительно частых встречах с людьми. Опасности не исчезли – был постоянным риск вместе с нартами рухнуть с обрыва, надо было следить за собаками, го-

товыми кинуться догонять зайца или, подобно волкам, растерзать незнакомых им по Чукотке оленей. И все-таки эти случайности проходили теперь в ряду не прежних опасностей, а, пожалуй, что приключений. «Упряжки катились по насту более ста километров за переход. И было у нас ощущение, что трудно забравшись на очень высокую гору, теперь мы полого несемся вниз. Мы и собак вместо обычного «Хок! Хок!» («Вперед!») стали понукать словом «Мурманск!...»

Многому научил людей арктический путь. Научились городские каюры управлять собаками, понимать их характер, знать их возможности. Научились быстро чинить одежду, упряжку, снаряжение, нарты. Научились общаться со многими народностями Севера, понимать их обычаи и язык. Научились спать, где застанет дорога. Научились терпению, выносливости. Научились не терять присутствия духа у грани крайней опасности.

И самое главное...

Я знал, что экспедиция обдумывалась и готовилась Сергеем Соловьевым около десяти лет. Не единожды он побывал с друзьями на Севере – испытывал снаряжение и людей. В исходную точку, на самый Дальний Восток, было отправлено все, что казалось необходимым для экспедиции: около тысячи предметов различного снаряжения. Расчет был такой: собаки потянут груженные нарты, люди пойдут на лыжах. Средняя скорость передвиженья – 50 километров за переход.

Но по чукотскому рыхлому снегу собаки отказались (и

не в силах были!) тянуть тяжело груженные нарты. Бились несколько дней, облегчая «тонущий корабль» экспедиции, насколько можно: сняли треногу с теодолитом, бинокли, книги по навигации, ножи, топоры, запасы консервов... Но это не решило проблему, нарты были тяжелы для собак. Сергей Соловьев: «Тогда хорошенько мы пригляделись: а что берет с собой чукча, отправляясь на собачьей упряжке в тундру? Оказалось, почти ничего! На поясе – нож и кисет с табаком, на нартах – он сам и запас еды для себя и собак».

Экспедиция оказалась перед дилеммой – либо топтаться на месте, либо, доверившись опыту Севера, снарядиться так, как веками снаряжаются чукчи, якуты, эвенки, ненцы – собачий транспорт диктовал именно эти условия...

Нелегко и непросто на это было решиться. На всей привычной индустрии путешествия надо было поставить крест. Одежда, обувь – только местные, из оленьего меха! Запас свитеров, носков, рубашек, шарфов, рукавиц, шапок надо было признать ненужным. Больше того, условия диктовали бросить палатку, отказаться от спальных мешков и решиться, казалось бы, на совсем уже немыслимое – отказаться от керосина. («Отказаться от опасной от него зависимости – керосин мог вытечь, воспламениться, потеряться, когда нарты перевернулись».) Но отказ от керосина – это отказ от огня, а значит, и от горячей пищи, это переход на питание сырым мороженым мясом, мороженой рыбой.

Решились на все! Правильность этой походной револю-

ции подтверждал прежний опыт, доверие к образу жизни местного населения, а также присутствие «человека Севера», Филиппа Ардеева, с самого начала предпочитавшего спать не в палатке, а прямо в снегу.

Павел Смолин, надев длиннополую малицу и меховые высокие сапоги, показал, как эта одежда служит человеку на Севере чумом и спальным мешком, – «схватил себя ремешком у колен, втянул в нутро малицы капюшон – и можно спокойно ложиться в снег!» «Мы так привыкли к таким ночлегам, что, если даже делали остановку возле избушки охотника, под крышей часто не спали».

Сырое моржовое мясо, нерпичий жир, строганина из рыбы, оленья кровь, сырое мясо добытых охотой животных стали привычной пищей на всем пути. «Была тоска лишь по хлебу. Но мы запасали в поселках его немного, резали на ломти и держали в пути за пазухой». За пазухой каждый держал также и флягу, где таял снег для питья. «Всегда мечтою был чай. Его мы готовили всюду, где была хоть какая-нибудь возможность».

Так люди жили, двигались и работали не день, не два – восемь месяцев! Они впервые за одну экспедицию прошли всю северную окраину нашей страны. Впервые люди были в пути полярной ночью. Никто до них не шел зимой на Севере без палатки. Их образ жизни в походе, экипировка, питание проверены самым надежным способом – пройден намеченный путь, выполнена программа исследований, все они

живы-здоровы.

На пути экспедиции были интересные, содержательные пресс-конференции. Шестерке еще предстоит ответить на множество разных вопросов. Я тоже их тормошил. Экономя место в газете, привожу лишь самые краткие из ответов.

Вопрос: – Шесть человек на маршруте – это не вся экспедиция?

Ответ: – Нет. Действовали еще группы обеспечения и связи. «Советскую Россию» мы тоже считаем участником экспедиции.

В.: – Что было самым трудным в пути?

О.: – Уходить от людей. Они остаются в тепле, а ты уходишь...

В.: – Не устали вы друг от друга?

О.: – Нет. Притирку на совместимость мы сделали раньше. Но, возможно, мы могли бы друг другу и надоесть – долг был путь! – если бы шли тесной группой. Но часто наши упряжки разделяло несколько километров, и мы встречались лишь на ночлеге... Экспедицию мы заканчиваем большими друзьями, чем ее начинали.

В.: – Представление в пути о счастье?

О.: – Очень простое: «Хорошо бы никуда не идти...»

В.: – Бывали моменты с тревожной мыслью: «Тут можем погибнуть...»?

О.: – Бывали. Например, могли потеряться, замерзнуть во

время пурги.

В.: – В экспедиции были элементы спортивные, или вы настаиваете: основное – научная программа?

О.: – Мы не просто шли, мы работали. И делали все возможное, чтобы выполнить определенную нам программу исследований. Но и просто пройти этот путь, все выдержать, превозмочь – тоже, понятное дело, имеет цену.

В.: – Предмет вашей гордости?

О.: – Сознание, что ты способен на нечто большое и важное. Это не просто приятно, это важно нам сознавать.

В.: – Девиз экспедиции?

О.: – Серьезный – «Вперед!» Шутливый – «Однако пора бы поесть!»

В.: – Проблемы экологии Севера. Они значатся в вашей программе...

О.: – Мы пристально ими интересовались. Проблема отношения к волку... Проблема диких оленей. Проблема транспорта в тундре... Мы видели много хорошего и плохого. Предстоит все это осмыслить.

В.: – Советы людей...

О.: – Больше всего советов давали нам женщины на Чукотке. Среди них самый частый: «Куда вы идете? Оставайтесь у нас».

В.: – Вы видели много людей, приспособленных к жизни на Севере. Есть ли различия в быте и жизни местных народностей?

О.: – Есть. Например, якуты показались нам наиболее добычливыми охотниками, умеющими вместе с тем бережно относиться к природе. Чукчи на побережье не мыслят жизни без собачьих упряжек. А чем дальше на запад, тем большую роль играет олень.

В.: – Остановки в поселках... Как вас встречали? Оставалось ли время на отдых?

О.: – В пути у нас состоялось около двухсот встреч с людьми в охотничьих избах, в чумах оленеводов, в школах и интернатах, в шахтерских поселках. Эти встречи нас окрыляли, но физически приходилось тяжело. Надо было собирать нужные нам материалы, заботиться о собаках, чинить упряжь, одежду, а нас, бывало, не отпускали пять-шесть часов. Нередко мы говорили: ничего, отдохнем на маршруте...

В.: – Самые яркие впечатления от природы?

О.: – Много всего! Скалы и океан у мыса Дежнева... Киты в океане... Сияние полярной ночи и сияние снега в тундре при солнце... Громадные стада диких оленей... Встречи с волками, медведями, зайцами, росомхой... Караваны птиц в тундре – это все в нашей памяти.

В.: – Самый яркий интересный человек на пути?

О.: – Больше всего запомнились нам охотники. Люди с суровым образом жизни, добрые, бескорыстные, готовые помочь, поддержать, посоветовать. Среди них самым первым справедливо надо назвать Лебедева Николая Яковлевича. Сорок лет живет на одном месте! Превосходно знает людей

и природу. Мудрый и добрый. Великолепный рассказчик. Это он сказал: «Путника уважать надо, как самого себя».

В.: – Ваши отношения с собаками?

О.: – Сентиментальность в этих отношениях исключается. Мы вместе работали, делили еду и тяготы. Это были преданные наши друзья.

В.: – Конец путешествия. Что с ними будет?

О.: – Об этом мы думаем. Одну из упряжек, самую лучшую, сохраним. Очень мечтаем, приложили бы сами к этому силу, организовать питомник ездовых собак. Во многих северных странах такие питомники есть. У нас пока нет.

В.: – Главный вывод в конце путешествия?

О.: – Достойная цель возможности человека делает безграничными.

В.: – Что пожелали бы вы молодежи?

О.: – Не разучиться ходить по земле. И умение видеть на ней все интересное.

В.: – Самый частый вопрос, который вам задавали?

О.: – Зачем идете?

Зачем они шли? Многие, глядя на этих людей, искренне позавидуют: сколько увидели, сколько узнали, превозмогли! Но есть, несомненно, такие, что скажут: чудаки – голодать, рисковать, мерзнуть. Чего ради? Никто не неволил. В том-то и дело, что поневоле это пространство, скорее всего, не осилишь. Только добрая воля, чистые помыслы, желание увидеть, понять, себя испытать, дать достойный пример

другим – вот что двигало экспедицию, обеспечило ей успех.

Это не было, однако, частным делом группы честолюбивых, любознательных, сильных людей. Газета, организовавшая экспедицию, обеспечила ей общественный интерес. Обширные с пути экспедиции публикации привлекли наше внимание к Северу, его облику и проблемам. Для северян этот континентальный переход был событием. Экспедицию всюду ждали, старались ей всячески помогать. Экспедиция многому научилась у северян. Северянам тоже есть к чему присмотреться. Опыт такого похода перестает быть опытом только маленькой группы людей. Он становится важной точкой отсчета человеческих возможностей. И не где-то в далеких странах – у себя дома, на просторах родной земли, еще один раз обозначились лучшие качества россиян: терпение, выдержка, воля к победе. Одного этого уже достаточно, чтобы сказать: экспедиция удалась.

В активе землепроходцев – интересные наблюдения, измерения, исчисления для науки. Нам же интересно в первую очередь то, что видел человек очарованным глазом, что сохранил в памяти, что волновало и поразило людей на пути, интересен подробный рассказ об увиденном-пережитом. Будем ждать его с нетерпением. А сегодня вместе с участниками и организаторами экспедиции мы радуемся успешному ее завершению.

• **Фото автора. 7 июля 1983 г.**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.